

УДК 177.8

А.В. Миронов, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***«Я» И ТОЛПА (К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА)**

Рассматривается проблема социального одиночества человека в условиях разрыва общественных и индивидуальных связей, личности и государства, а также изменение его форм.

Ключевые слова: *социальное одиночество, отчуждение, идеалы, общественные интересы, частные интересы, коммуникативные связи, страх одиночества, утрата ориентиров, толпа, отрицание, личный выбор, гражданское участие.*

Одной из задач гуманитарных наук на современном этапе является преодоление отчуждения между человеком и другим человеком, человеком и обществом, человеком и государством. Столкновение различных ценностных моделей, индивидуальных мировоззрений, устоявшихся систем социальной ориентации приводит к непониманию, а, в последствии, и к неприятию иной личной и общественной позиций. Собственный мир входит в противоречие с миром другого, других. Точки пересечения становятся локальными и носят, скорее, формальный характер. Человек в страхе потерять себя замыкается в узких границах индивидуального существования. Осознание одиночества, как факта личностного бытия, переносится и на социальные отношения, взаимосвязь с теми институтами, которые определяют его как общественное существо. Потребность в гражданском участии уменьшается, трансформируясь в иные формы самореализации: маргинализм, индифферентность, эскапизм, деструктивность. Индивид пытается отстоять свое право на выбор социализации.

Устоявшаяся точка зрения Аристотеля о человеке как «коллективном животном» определила заданность европейской философии и круг вопросов по этой проблеме. Исторические реалии второй половины XIX – начала XX века инициировали обращение к проблеме массовой психологии и одной из ее вариаций – «психологии толпы». Такие авторы, как Г. Лебон, З. Фрейд, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Канетти и другие, исследуя коллективное поведение, пытались вывить место индивидуального «я» в общественной системе, его характеристики, мироощущение. В данной статье предпринята попытка исследования темы социального одиночества личности через взаимодействие со спонтанно возникающими образованиями. Исследование взаимоотношений между понятиями «социальное», «враждебное», «формальное» раскрывает причины ухода в самоизоляцию, устанавливает источники дисбаланса между человеком и государством, указывает возможности его преодоления.

Одним из кардинальных завоеваний Великой Французской буржуазной революции стал принцип равенства, позиционируемый как осуществление главного права человека. Тенденция либеральной демократии сделать гражданина «господином собственной судьбы», предоставить ему возможности для этого, устранить барьеры, мешающие реализовать личностный потенциал, охватила большинство стран Европы и продолжала осуществляться на протяжении XIX столетия. Обязательное начальное образование, выборные права, повышение уровня жизни воспринимались как достижения прогресса. Но возникла ситуация, в которой прежние традиционные установки, власть лучших и достойных оказались не востребованными. Частное мироощущение отвергло идеи об уникальности, выдающихся способностях, повышенной самоотдаче, приняв на вооружение тезис «всеобщности». Усредненность стала диктовать нормы и правила, жестоко реагируя на отступление от них. Формальные критерии (гражданство, удостоверение об образовании, социальный статус) заменили личностные качества. Если ранее рядовой гражданин жил в ощущении глобальных столпов (церковь, государство, знатность и др.), которые сосуществовали в его сознании с социальным и перед чем возникало чувство благоговения, служить которому большая честь, то теперь он низводит эти понятия до обыденности, они теряют ореол исключительности. Политика, мораль, культура – рядовые явления, наполненные теми же недостатками, что присущи любому. Утрата представления об идеальном вытесняет желание участвовать в совершенствовании социального механизма. Личные интересы не признают наличия альтернативных вариантов, представляются как самодовлеющие и незыблемые. Таким образом, общественная система становится малопривлекательной в глазах большинства и отождествляется с конкретными персоналиями или определенными группами.

Интерпретация человеческой сущности соответствует потребностям эпохи (Древняя Греция – человек-гражданин, средние века – человек-«дитя церкви», Новое время – человек-эгоист). XX век переносит акцент на реализацию коммуникативных связей, т.е. личные контакты, во многом подменяющие усилия социальных институтов. Исполнение гражданских функций оказывается вторичным. Причиной можно считать расширяющуюся пропасть между государством и личностью. Они находятся в параллельных плоскостях, имея минимальное количество общих точек. Моральная наполненность, политическая активность, участие в общественных процессах оказываются в сфере личностного выбора,

тем самым, выходят из-под контроля государства. Предоставленный сам себе, индивид погружается в одиночество, проявляющееся в устранении социума от его проблем. Вариативность его позиций колеблется от сознательной самоизоляции до согласия стать частью целого, но, не принимая на себя долгосрочных обязательств перед ним. Норма максимально соответствует этому представлению.

В философской литературе (Ж.П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет, М. де Унамуно, К. Ясперс и другие) представлены два понятия – масса и толпа, трактуемые как сообщество, уверенное в своих силах, лишённое критического духа по отношению к себе, довольное принципом унификации относительно наиболее важных сфер человеческого бытия. Ему не свойственна рефлексия, способность к анализу, стремление к духовным ценностям. Толпа, со времен знаменитой книги Г. Лебона «Психология народов и масс», отличается количественными показателями, временными рамками, сиюминутной объединяющей идеей, то есть мы можем ее рассматривать как часть массы на определенном этапе. «Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же «как все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [1, с.45-46]. Цивилизация предложила современному человеку сверхблага, сверхуровень относительно предыдущего периода истории. Но сам индивид, утратив интерес к культуре как самоценному феномену оказался неспособным оценить эти достижения. Любые нравственные ограничения он воспринимает как насилие, духовные процессы вызывают раздражение. Обыватель готов управлять другими, исходя из собственных представлений о мире, не желая совершенствоваться, обогащаться накопленным культурным наследием. Динамика общественных изменений оказалась не пропорциональной личностным изменениям, прежде всего, сферы мышления. Неуважение к государству подспудно формирует принцип атомарности – каждый предоставлен самому себе, каждый рассчитывает на свои силы. Разобщенность совпадает со «скрытым одичанием». Традиционная система отношений уходит в прошлое, на ее месте образуется моральный хаос.

В качестве аксиомы рассматривается положение о нераздельности о государственной и человеческой деятельности. Она действует при наличии определенных составляющих. Удачную формулировку предложил Э.Ренан: общая слава в былом, общее согласие в настоящем, совместные свершения и совместная воля в будущем. Исходя из этих принципов, легко очертить круг приложения сил гражданина. В этой универсальной системе реализуются коммуникативные связи индивидов и в то же время она служит каркасом, объединения разрозненных единиц в сообществе, живущее по понятным большинству идеям. Признание их создает предпосылки осознанного существования в обществе. Дискредитация государственных институтов в глазах гражданина начинается с утраты понимания собственной значимости. Осуществляя свои потребности в безопасности, признании, творчестве, уважении, человек вступает в тесное сотрудничество с властью, законом, политикой, культурой. Результатом становится раскрытие личных качеств и способностей в профессии. Успех – общепринятый критерий социальной оценки. Но индивидуальное «Я» далеко не во всех случаях совпадает с социальным «Я». Страх оказаться без других совершает насилие над личными представлениями. «Наше время – это зрелище бесчисленных человеческих жизней, которые заблудились в собственных лабиринтах, не найдя чему отдать себя... Освобождаясь, жизнь освободилась от себя, осталась опустошенной и неприкаянной» [2, с. 121].

Способность к самоуглублению создает два плана существования: внешний и внутренний, при этом последний может оказаться более интересным, понятным и очевидным. Рефлексивный аспект побуждает искать свой путь, отвлекаться от общепринятого, вырабатывать собственную парадигму мира. Сомнение в абсолютности социального начала порождает вопрос об антитезе. Чувство потерянности, напрямую связано с недоверием к окружающим. Близкий круг коммуникации склонен к сравнению успехов и достижений. Привычная схема контактов перестает быть адекватной в свете открывшихся для индивида новых истин о себе, социальной структуре, ценностном наборе. Желая расстаться с мнимым «Я», человек пытается освободиться от тех переживаний, которые ассоциируются с обществом. Личностный резонанс в виде патриотического порыва, праведного возмущения, преклонения, благодарности, сочувствия не к индивидуальным качествам, а к социальному эффекту тех или иных событий сменяется индифферентностью и нигилизмом. Социальное одиночество, таким образом, осознается на рациональном и эмоциональном уровнях как разделение человека и гражданина, при том, что второй статус становится или несущественным, или враждебным.

Разрушение политических, моральных, общественных верований дестабилизирует жизнь личности. Она утрачивает ориентиры и остается один на один с собой. Потеря жизненно важных установок искажает целостное мировосприятие, акцентируя сознание на отрицательных сторонах окружающей действительности. Концентрация пессимизма в одной, отдельно взятой личности может толковаться как следствие пессимистической атмосферы в обществе. Недоверие к традиционным институтам побуждает вырабатывать самоценности, эффективность которых не проверена временем и социальным опытом. «Пессимизм – это ослабленная воля к жизни, следовательно, она повсюду, где человек и общество не находятся больше во власти идеалов прогресса, которые с необходимостью выдвигает последовательная воля к жизни, а опускаются до принятия действительности, какова она есть»

[3, с. 99]. Убеденность в неизменности сложившихся обстоятельств функционирования государства равносильна признанию недостатков как вечной данности. Исчезает стимул гражданского участия. Позитивные последствия весьма проблематичны, а конфликты создают репутацию социально неадекватной личности. Официальные установки определяют барьеры для развития гражданской позиции. В общество наоборот, создаются условия для развития человеческих пороков. Если отдельно взятый человек может реализовать себя как нравственная личность, то в коллективе эти качества перестают быть приоритетными, так как испытывают воздействие чужих мнений. Индивид сориентирован на общественное признание и готов принять чуждый подход, исходя из желания надежно закрепиться в системе. У римлян бытовала пословица: «Сенаторы – мужи очень достойные, римский сенатор – это скверное животное».

Одиночество пугает человека и заставляет искать альтернативные формы объединения. Такими организациями становятся религиозные секты, сообщества по интересам, другие неформальные образования. Толпа, спонтанно возникающая и существующая непродолжительный отрезок времени, крайне привлекательна для лица, находящегося в условиях самоизоляции. Его верования в данный период строятся по преимуществу на подражании. Стираются индивидуальные различия. Толпа действует, исходя из анонимности. Никто не обязан раскрывать свой внутренний мир, убеждения, взгляды, социальную и образовательную принадлежность, свое прошлое. Человек имеет возможность создавать себя заново, написать новую биографию, действующую на протяжении личного участия в данном образовании. «Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности» [4, с. 13]. Неузнаваемость становится социальной игрой, которой увлекается индивид в силу сложившихся личных обстоятельств. Разрушение стереотипов поддерживает иллюзию свободы. Комфортность отношений разительно отличается от обыденных. Человек выходит из-под пресса привычных обязанностей и эталонов, отождествляемых с возникшей у него отчужденностью.

Смена настроений, владеющая толпой, позволяет чувствовать себя неотъемлемой частью. Гнев, беспокойство, тревога, опасность, агрессивность, как самые сильные эмоции, способны вовлечь в происходящее действие. Сплочение, единство, общие понятия и знаки заменяют индивидуальное мышление на коллективное. Примитивные положения очевидны, понятны, не нуждаются в особом осмыслении. Фокус внимания толпы постоянно перемещается, любой может оказаться в его центре, почувствовать собственную значимость, тем самым, повысить самооценку. В толпе можно заглушить страх перед жизнью, вызовы общества нейтрализуются, теряют свою важность. Погружение в атмосферу не требует интеллектуального, психологического, эмоционального напряжения. Алгоритм прост – стать как все.

Толпа – упрощенная копия социального мира, в ней снижены требования и обязательства, действует иллюзия самоопределения. Свобода противопоставлена вынужденности, внутреннее – внешнему. Переход из области формальных отношений в личностные связаны с другой стороной проблемы одиночества. За позитивное ощущение одиночества человек в толпе должен заплатить цену, которая вступает в противоречие с сохранением самого себя как личности, с ее достоинством, достижением личной свободы и независимости. Нетерпимость к чужому мнению, отстаивание абсолютных постулатов (пусть и кратковременных) становится эталоном поведения в данных условиях. Политические, националистические, религиозные положения создают ситуацию анклава – некой духовной территории, где господствует одна идея, как доминирующая и всеохватывающая. Человек, оказавшийся в сфере ее воздействия, вынужден перестраивать свои представления, так как его существование в этих границах зависит от безоговорочного подчинения большинству. Две противоположные системы (официальная и неформальная) используют один и тот же метод идентификации «свой-чужой». Подобная ситуация придает уверенность в собственной значимости, формально не лишает свободы выбора. Фанатизм и нетерпимость становятся фундаментом для построения собственной картины мира, общественная группа вменяет индивиду набор ценностей, не обсуждаемых ни с рациональной, ни с моральной позиций.

Но, с другой стороны, эта ситуация внешнего давления снова порождает комплекс одиночества. «... это не означает, что в подобном столкновении человек может изобрести новые нормы. Главным образом, — это просто самоустранение из существующего без какого-либо предварительного обсуждения, связанного с сущим проблем, просто выпадение из наличного бытия» [5, с. 141]. Состояние вакуума порождает чувство отчаяния. Недостаток знаний, социального опыта, излишняя критичность не способствуют созданию собственной модели общественных отношений. Отрицая существующие связи и не обретая новых, человек воспринимает свое положение как состоявшуюся катастрофу, в орбиту которой вовлечены его собственное индивидуальное и социальное «я». Утрата ориентиров требует скорейшего нахождения тех, кто знает, как жить и зачем. Неспособность определяться с общественным идеалом, и, следовательно, и с мировоззрением, содержит угрозу принятия негативного внешнего опыта

как спасения. Главным вопросом остается преодоление страха перед жизнью. Идеалы социального мира, которые прежде могли поддерживать человека, распадаются или становятся более внешними и агрессивными по отношению к внутреннему миру человека. Смысл существования в обществе утрачивает свою значимость. Начинается процесс деморализации.

Обида и претензии к социальному миру за собственное одиночество перерастают в цинизм и вседозволенность. Гипертрофированный индивидуализм, как следствие разобщенности и оставленности, находит выход в агрессии, беспринципном использовании другого как средства. Толпа становится не только укрытием от самого себя, но и способом использования накопившейся негативной энергии. Идеи и лозунги, сформировавшие толпу, на определенном этапе могут быть чуждыми, неприемлемыми. Но, благодаря массовости, толпа способна увлечь и сомневающихся, подчинить своей воле, изменить мировоззрение. В глазах человека, страдавшего от одиночества, пережившего чувство отринутости, общество должно понести ответственность за несовершенство своих механизмов. Ярость и вандализм становятся адекватной реакцией на антигуманистическую сущность социальных отношений. Деструктивность – подсознательный ответ возникшему конфликту индивидуального и общественного: «... чем меньше времени люди посвящают заботе об общественном благе, тем меньше у них возможностей противостоять коллективному прессингу. Разум каждого отступает перед страстями всех» [6, с. 491].

Нарушение гармонии человек-гражданин формирует негативную сферу, где индивид утрачивает социальную ориентацию, вынужден полагаться на свои ценности, тем самым, попадая в зону риска разрушения личности. Смена принятых в обществе установок на альтернативные искажает социальное мировосприятие, акцентируя внимание человека на отрицательных сторонах окружающей действительности. Саморазвитие становится парадоксом социальной системы. Чем выше уровень самостоятельности мышления, тем очевиднее недостатки общества и стремление к отстраненности от него. Толпа становится заменителем существующих организаций и форм объединения граждан, социальным способом решения проблемы одиночества, при этом предлагая свои правила, которые могут включать и деструктивные проявления. Развитие гражданского общества может позволить реализоваться социальным инстинктам не только в официально признанной форме, но усилить их рациональную составляющую и перейти к совершенствованию социальных механизмов, в которых одиночество личности будет рассматриваться как необходимый позитивный момент для формирования личной гражданской, а значит и общественной позиции.

Библиографический список использованной литературы

1. Ортега-и-Гассет. Избранные труды / Ортега-и-Гассет. — Москва: Весь мир, 1997. — 704 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. — Москва: Прогресс, 1990. — 272 с.
3. Швейцер А. Культура и этика / А Швейцер // Благоговение перед жизнью. — Москва: Прогресс, 1992. — 576 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон // Психология масс. — Москва: Издательский Дом «Бахрах-М», 2006. — 592 с.
5. Адорно Т. Проблемы философии морали / Т. Адорно; пер. с нем. М.Л. Хорькова. — Москва: Республика, 2000. — 239 с.
6. Московичи С. Наука в массах / С. Московичи // Психология масс. — Москва: Издательский Дом «Бахрах-М», 2006. — 592 с.

Поступила в редакцию 18.03.2011 г.

Міронов А.В. «Я» і натовп (до проблеми соціальної самотності)

Розглядається проблема соціальної самотності людини в умовах розриву громадських та індивідуальних зв'язків, особи і держави, а також зміна її форм.

Ключові слова: соціальна самотність, відчуження, ідеали, суспільні інтереси, приватні інтереси, комунікативні зв'язки, страх самотності, втрата орієнтирів, натовп, заперечення, особистий вибір, громадська участь.

Mironov A.V. "Me" and the crowd (on the issue of social loneliness)

There is a problem of a person's social solitude under conditions of social and individual connections rupture, a person and the state, discussed in this article. The author considers different methods of eliminating the fear of solitude – to marginal or social non-formal institutes.

Keywords: social solitude, alienation, ideals, social interests, private interests, communicative connections, fear of solitude, loss of orients, crowd, negation, individual choice, citizen's participate.